

Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры

*V Культурологические чтения
«Русская эмиграция XX века»
(Москва, 29–31 марта 2013 года)*



Дом-музей Марины Цветаевой Москва 2015

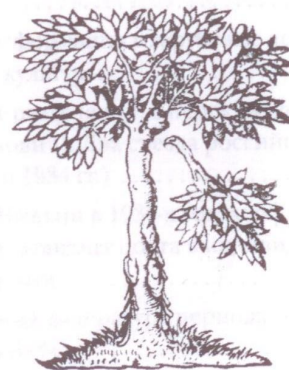
Для русского же человека в изгнании эта мировая слава Родины – теперь для него уже бесспорная – имеет и еще оттенки: защиты, укрытия в одиночестве и заброшенности. Даже больше – связи, соединения. Не просто мы неприютные. Кое-что за плечами и есть. Сейчас мы в изгнании, а что завтра будет, еще не известно. Наследие же, история, величие Родины – этого не отнять у нас...

Б. Зайцев. Слово о Родине. 1938

Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры

V Культурологические чтения
«Русская эмиграция XX века»
(Москва, 29–31 марта 2013 года)

Сборник докладов



Дом-музей Марины Цветаевой Москва 2015

УДК 821.054.7(063)
ББК 83.3(2Рос=Рус)бя431(0)
М54

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Дома-музея Марины Цветаевой

Составитель
канд. филол. наук И.Ю. Белякова



ISBN 978-5-93015-163-3

© Авторы статей, 2015
© Дом-музей Марины Цветаевой, 2015

Содержание

«ОПЫТ РАЗДЕЛЕНИЯ, С ПЕРЕКЛИЧКОЙ...»

А.В. Бакунцев. Полемика вокруг речи И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции»	11
А.В. Урядова, А.В. Петрова. З. Гишпиус и Д. Мережковский: «правда об изгнанничестве»	22
И.В. Сабенникова. Постреволюционная эмиграция: образование и преемственность российских либеральных традиций	32
В.Ю. Волошина. Трансформация в зарубежье дореволюционной «профессорской культуры»	43
З.С. Бочарова. «Опыт разделения, с перекличкой из двух лагерей» (Г. Адамович): Два съезда российских писателей (1928 и 1934 гг.)	53
И.Ю. Белякова. А.С. Пушкин в 1930-х годах: официальная «канонизация» vs. концепт поэта в индивидуальном творческом сознании	77
Л.А. Мнухин. Советская литература периода «оттепели» в эмигрантской критике	90
Н.А. Родионова. Советские писатели в эпиграммах эмигранта Л. Мунштейна (Лоло)	104
М.Ю. Егоров. Саша Соколов и советские писатели	122
Ю.Б. Орлицкий. Русский стих в метрополии и диаспоре: сравнительные особенности метрики и строфики (предварительные замечания)	130

Вопросы, связанные с историей культуры, в частности с историей литературы, являются предметом пристального внимания исследователей. В последние десятилетия в отечественной науке наблюдается активное развитие исследований в этой области. Это связано с тем, что культура является неотъемлемой частью человеческого бытия, и ее изучение позволяет глубже понять историю и современность нашего общества.

Вопросы, связанные с историей культуры, в частности с историей литературы, являются предметом пристального внимания исследователей. В последние десятилетия в отечественной науке наблюдается активное развитие исследований в этой области. Это связано с тем, что культура является неотъемлемой частью человеческого бытия, и ее изучение позволяет глубже понять историю и современность нашего общества.



Вопросы, связанные с историей культуры, в частности с историей литературы, являются предметом пристального внимания исследователей. В последние десятилетия в отечественной науке наблюдается активное развитие исследований в этой области. Это связано с тем, что культура является неотъемлемой частью человеческого бытия, и ее изучение позволяет глубже понять историю и современность нашего общества.

Вопросы, связанные с историей культуры, в частности с историей литературы, являются предметом пристального внимания исследователей. В последние десятилетия в отечественной науке наблюдается активное развитие исследований в этой области. Это связано с тем, что культура является неотъемлемой частью человеческого бытия, и ее изучение позволяет глубже понять историю и современность нашего общества.

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ПОНЯТИЯ «ВУМКА» «МИССИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ»

Вопросы, связанные с историей культуры, в частности с историей литературы, являются предметом пристального внимания исследователей. В последние десятилетия в отечественной науке наблюдается активное развитие исследований в этой области. Это связано с тем, что культура является неотъемлемой частью человеческого бытия, и ее изучение позволяет глубже понять историю и современность нашего общества.

«ОПЫТ РАЗДЕЛЕНИЯ, С ПЕРЕКЛИЧКОЙ...»

С речью «Миссия русской эмиграции» в Париже в 1922 году, произнесенной в Сорбонне, началось активное обсуждение роли русской эмиграции в культуре и искусстве. В этой речи были затронуты вопросы о том, как эмиграция может способствовать развитию культуры в условиях изгнания. Впоследствии эти идеи были развиты и другими представителями эмиграции, такими как И.С. Шмелев, П.Ф. Яковлев, Г.И. Чулков, Н.К. Куликов и другие. Активное участие в этом процессе принимал и М.А. Савин, который в своей речи в Сорбонне в 1924 году подчеркнул важность культурной миссии эмиграции.

Дискуссия о роли русской эмиграции в культуре и искусстве продолжалась в течение многих лет. В этот период были опубликованы многие работы, посвященные этой теме. В частности, в 1924 году в Париже была опубликована книга «Миссия русской эмиграции», в которой были собраны выступления и статьи представителей эмиграции. Эти работы оказали большое влияние на формирование культурной политики эмиграции и на ее взаимодействие с культурной жизнью в России.

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ЭПИГРАММАХ ЭМИГРАНТА Л. Мунштейна (Лоло)

Н.А. Родионова
Москва

Разрыв единой русской литературы на советскую и эмигрантскую становится фактом в середине 20-х годов. Образовалось два берега русской литературы. На одном, как писал эмигрант проф. А.М. Горюнов (литературный псевдоним Демьян Небогатый), «оставшиеся в тисках мучений советского кошмара»; на другом – мятущиеся «в тисках страданий за гибнущую Россию»¹.

Писатели, оказавшиеся вне родины не по своей воле, оторванные от родной почвы, от живого языка, тяжело переживая собственную неустроенность и ненужность в чуждом для них мире, следили за литературным процессом в метрополии «оком политики»². Травма эмиграции провоцировала негативные оценки литературного процесса в покинутой родине: «В стране, где нет хлеба духовного, былой русской общечеловечности, культурности, интеллигентности в незатрепанном виде», там «нет воздуха, а одна гнусная советская правда», «там люди перестали быть, там влачатся», – констатирует И.С. Шмелев и делает для себя выбор: «Лучше временно быть без России, чем в ней жить с затыкнутым ртом, с заплыванной душой и со связанными руками, питая даже признательность за то, что тебя терпят и дают хлеба, пока ты ходишь с покорной головой»³. Эмигрантские писатели осознавали пагубность отсутствия духовной свободы: «...чтобы творить истинно большое искусство, нужна духовная свобода, душевная подлинность, первичность, не-смешанность»⁴, и зачастую «преувеличивали идеологическую ангажированность советской литературы и преуменьшали идеологическую заданность литературы эмигрантской»⁵. Критики отмечали сервильность советских писателей: «...лишь немногие из оставшихся там литераторов не выразили так или ина-

че, активной поддержки власть предержащим»⁶, подчеркивали «безрадостный тон» советской литературы, «зажатой в тиски диктатуры», неустранимые «сомнения, упадок духа, уныние и разочарование» советских писателей, вынужденных выполнять «социальный заказ» и опустившихся до «двурушничества, беспринципности и нигилизма»⁷.

«Политическая ненависть» к собратьям по перу, оставшимся в России, провоцировала «непреклонно-гордых и белоснежно-чистых эмигрантов» «огульно хулить все, что живет, зреет и дышит по ту сторону»⁸. Всех принявших революцию и оставшихся на родине «Есениных, Бабелей, Сейфулиных, Пильняков, Соболей, Ивановых, Эренбургов» воспринимали как заклятых врагов, а отведенный в сторону эмигрантский поток литературы считали в большей степени способным обогащать общее русло, чем воды внутрироссийские. Однако палитра оценочных суждений о литературе метрополии была разнообразна, не ограничивалась только черной краской⁹.

Марк Слоним утверждал, что существование литературы вдали от родины, в иноязычной и инокультурной среде невозможно, поскольку литературный процесс требует «реальных, неизбежных оснований»: развитие живого языка, наличие обширной читательской среды и смены поколений, то, что М. Цетлин определил как отсутствие «почвы» и «пафоса общности» в эмиграции¹⁰. М. Слоним выдвинул тезис об обреченности эмигрантской литературы, о конце литературы зарубежья, считая, что все новое, значительное и интересное в современной русской литературе было создано в России, а не в эмиграции¹¹, чем вызвал упрек А.Л. Бема в том, что он «всячески поддерживает веру в советскую литературу» в ущерб литературе эмигрантской¹².

Подобная позиция не была характерна для всей эмиграции в целом, и к концу 20-х годов в эмиграции преобладающей стала точка зрения, что в России в условиях «безвоздушья», когда «литература зажата в тиски диктатуры», ничего значимого создано быть не может.

В 1929 г. в двух номерах журнала «Иллюстрированная Россия» были напечатаны «Стихи в альбом» эмигрантского поэта Л. Мунштейна¹³, писавшего под псевдонимом Лоло, адресованные «Своим»¹⁴, и «Словарь в стихах», посвященный советским собратьям по перу¹⁵. И хотя советские писатели названы братья-

ми, посвящения им можно назвать скорее эпиграммами, в то время как оставшимся в эмиграции – панегириками.

Приведем для сравнения посвящения эмигрантам И.С. Шмелеву и его другу К.Д. Бальмонту. Шмелев оказался в эмиграции в 1922 г. Позади остались страшные годы в Алуште, гражданская война, голод, ужас красного террора и полная неизвестность о судьбе сына, расстрелянного в 1921 г. в Феодосии. В Грассе на вилле И.А. Бунина, приютившего семью Шмелевых, Иван Сергеевич пишет «Солнце мертвых», первое по времени в русской литературе «настоящее свидетельство о большевизме», страшнее которого, по мнению А.И. Солженицына, ничего нет в русской литературе¹⁶.

Л. Мунштейн – И. Шмелеву:

Тебя мы лаврами венчали
В былые дни – в родном краю.
Теперь ты стал певцом печали,
Борцом за родину свою.
Живое, пламенное слово,
Как «Солнце мертвых» жжет сердца.
Пусть не иссякнет до конца
Святая ненависть Шмелева.

В эмиграции Шмелев был дружен с Бальмонтом. Новизна поэтической манеры этого небожителя, «блеск, задор, певучесть»¹⁷ его стихов восхищали современников. «Слава его простиралась от Архангельска до Астрахани, от Риги до Владивостока, всюду вдоль и поперек читали, декламировали, пели и выли его стихи», – вспоминала Н. Тэффи. Его «перезвоны хрустальных созвучий»... «вливались в душу с первым весенним счастьем»¹⁸. «Поэт Божьей милостью, он и в жизни был поэтом»¹⁹, – писала о нем Л. Рындина. В умирающей и замерзающей послереволюционной Москве Бальмонт нищенствовал и голодал, и в 1920 г. благодаря литовскому посланнику в Москве поэту Юргису Балтрушайтису ему удалось эмигрировать. Солнечного К. Бальмонта в эмиграции любили. Вспоминая Бальмонта, Тэффи заимствует созданный Бодлером образ гордого альбатроса – птицы, прекрасной и сильной в полете и жалкой, когда с подбитым крылом она оказывается на земле. Так и Бальмонт, «истинный, вдохновенный поэт», производил впечатление «величественной паря-

щей над кораблем птицы, божественной красотой которой благоговейно любитесь весь экипаж». Однако в эмиграции «птицу поймали, подрезали крылья, и, смешная, громоздкая, неуклюжая, шагает она по палубе под хохот и улюлюканье матросов»²⁰, – писала Н. Тэффи о Бальмонте в годы эмиграции. Строки Мунштейна, посвященные Бальмонту, также отражают несоответствие облика солнечного поэта, каким он остался в памяти почитателей его таланта, тому образу жизни, который он вынужден был вести в эмиграции.

Л. Мунштейн – К. Бальмонту:

Творишь, как Бог, самозабвенно,
Поешь, как птица, вдохновенно,
Как пел, бывало, на Руси.
Тебе бы – конь крылатый, тога
И мрамор пышного чертога,
А не пиджак и не такси!

В отношении советских писателей тональность посвящений иная. Эпиграммы были различной степени остроты в зависимости от степени оппозиционности писателей советской власти. К числу писателей, обслуживающих режим, Л. Мунштейн относит Демьяна Бедного, Давида Заславского и Петра Когана. Их творчество в эмиграции воспринимали как «агитмакулатуру, недостойную литературно-критического анализа»²¹. Д. Святополк-Мирский поэзию пролетарских поэтов считал «не более чем зарифмованной газетой», «замечательной более чистотой марксистского вдохновения, нежели поэтическими достоинствами»²².

Пролетарский поэт Демьян Бедный, «мужик вредный», как он подписывал свою «облеченную в отличную ремесленно-стихотворную форму злободневную публицистику»²³, занимал значительное место в советской литературе первых лет революции. Раздавались призывы литературных подхалимов к «одемяниванию» советской поэзии²⁴. В агитках Д. Бедного были сформулированы «политические лозунги минуты», это был «курс политграмоты вместо литературы», «иллюстрация к передовицам «Правды» вместо фантазии и художественного творчества»²⁵. За пресмыкательство перед властью пролетарский поэт получил обидное прозвище Ефим Лакеевич Придворов.

Л. Мунштейн – Демьяну Бедному:

Ухою Бедного Демьяна
 Питают бедных москвичей.
 Демьян Советам служит рьяно
 И славословит палачей.
 Он – их баян, он брат их кровный
 Успех стяжал он «баснословный»,
 В Кремле большой имеет вес
 Как собутыльник искрометный,
 Как член компартии почетный
 И как испытанный С.С.

(Сексот – секретный сотрудник. – Н.Р.)

Нередко стихи Д. Бедного содержали грубую брань, но и с другого берега некогда единой русской литературы писались исполненные ненависти рифмованные лозунги, призывавшие к истреблению противника:

Проклятье вам. Предатели свободы!
 Проклятье вам за все ваши грехи.
 Его пошлют и наш, и все народы,
 Рабочий от станка и пахарь от сохи.
 Проклятье вам, за то, что соблазнили
 Вы малых сих соблазном громких слов,
 И смертным разрушением казнили
 Страну, где так силен был жизни зов²⁶.

Ф. Степун предвидел тупиковый путь, которым шел Д. Бедный и ему подобные «инженеры человеческих душ», «творившие» по шаблону и по приказу свыше, «подкрашивая свои бесцветные художественные излияния идеологическими эссенциями партийного разлива и образца»²⁷.

Таким путем шел фельетонист Давид Заславский (1880–1965). Меншевик, затем активный член Бунда, один из главных сотрудников самого ненавистного Ленину издания – меньшевистской газеты «День», на страницах которой фельетонист Д. Заславский «неутомимо громил большевиков, разоблачая при этом Ленина как немецкого шпиона, платного агента германского генерального штаба»²⁸. Ленин отвечал ему тем же: мало кого он клеймил с такой яростью, как Заславского. Он называл его негодем, заведомым клеветником, сплетником, подлецом, осуждая

тех, кто подает Заславскому руку. Имена многих меньшевиков использовались в ленинских статьях как нарицательные: «чхеидзе, черетели, даны, заславские, майские»²⁹. Лишь после смерти Ленина в 1924 г. Д. Заславский решился заявить о «смене вех». Он поместил в газете «Правда» покаянное письмо о прошлых грехах и о полной солидарности с большевистским курсом. В 20-е годы коммунисты «Правды» трижды отказывали Заславскому в приеме в партию. В 1928 г., предъявив рекомендацию Сталина, он был прощен. Вехами в его биографии стала работа в «Ленинградской правде», «Красной газете», «Известиях» и, наконец, в «Правде». На страницах этих изданий он «бойко, доходчиво и убедительно агитировал за советскую власть, как раньше в «Дне» – за Временное правительство»³⁰. Давид Заславский был мастером словесных атак и драк до крови, его перо, следуя пожеланию Маяковского («я хочу, чтоб к штыку приравняли перо»), как штык разило наповал. О Заславском была сложена издевательская эпиграмма:

В борьбе с врагом любого вида
 Сверкает острый меч Давида³¹.

Выполняя социальный заказ, талантливый публицист, «неунывающий скептик», «подчиняющийся обстоятельствам веселый циник»³² Заславский писал убийственные сатирические фельетоны, за которыми следовала гражданская, и не только гражданская, казнь отступивших от партийной линии деятелей культуры. В год 100-летия Заславского журналисты вспоминали этапы его «славного пути»³³: «Его смех убивал противника. Удары его гневной сатиры испытали на себе троцкисты... враги трудового народа – внутренние и внешние»: композиторы («Сумбур вместо музыки»), писатели («Литературная гниль»); объектом его травли стал Б. Пастернак после получения Нобелевской премии («Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка»), «безродные космополиты» и художники-абстракционисты³⁴. Эмиграция платила ему той же монетой:

Л. Мунштейн – Д. Заславскому:

Он своим господам с откровенностью сам
 Рассказал свою гнусную повесть:
 – «Я на первых порах
 Услужал вам за страх.

Нынче – видит Аллах –
Я служу – за паек и за совесть».

Строки Мунштейна перекликаются с «Литературными заметками» Ф. Степуна, опубликованными в Современных записках: «Ложь в искусстве вещь страшная. Раз солжешь за страх, два за страх, а потом начнешь лгать и за совесть. Самому станет, быть может, даже и хорошо в жизни: и почет, и читатель, и деньги. Ну а твоему таланту в тебе – очень скоро и душно и тесно»³⁵. Неизвестно, было ли Д. Заславскому, чье ядовитое перо, шельмовавшее людей, наводило на них ужас и страх, «душно и тесно» в отсутствие духовной свободы, но прожил этот перевертыш долгую жизнь и, почив в бозе в 1965 г., был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Особенно едкая эпиграмма была направлена против историка литературы П.С. Когана (1872–1932). Злость эпиграммы Л. Мунштейна, возможно, объяснима завистью ностальгирующего автора к внешним признакам удачно сложившейся карьеры Когана при советской власти³⁶.

Л. Мунштейн – П.С. Когану:

Чадо Красной эпидемии
Заседает в Академии
Президентом всех наук
На таком же основании,
На котором в этом звании
Заседал гораздо ранее
Знаменитый князь Дундук.

В эпиграмме содержится реминисценция к знаменитой эпиграмме А.С. Пушкина на кн. Дондукова–Корсакова³⁷, с намеком на гомосексуальные отношения последнего с министром просвещения в правительстве Николая I С.С. Уваровым, автором триады «Православие, самодержавие, народность».

Популярный лектор, горячий пропагандист советской литературы, автор учебников, П.С. Коган подвергался критике с обоих берегов: и со стороны эмиграции, и со стороны советских ортодоксов и авангардистов. Учебник П.С. Когана по истории литературы ортодокс А. Дубовиков оценивает «весьма в малой степени отвечающим требованиям марксистской методологии,

являясь образцом либерально-просветительского подхода»³⁸. Противник модернизма и эстетизма, П. Коган не пользовался уважением ни у рашповцев, ни у левовцев. Маяковский в стихах, посвященных С. Есенину, рифмует его фамилию со словом «погань»³⁹.

Однако на «советском берегу» П.С. Когана многие вспоминали с благодарностью как «доброе, участливого и переутомленного до последней степени... количеством хлопот о неустроенных людях»⁴⁰. М. Цветаева в очерке об А. Белом «Пленный дух» с благодарностью вспоминала «этого очкастого и усатого ангела-хранителя писателей, ходатая по их земным делам»⁴¹. В 1921 г. он помог Марине Цветаевой восстановить академический паек, активно хлопотал о ее выезде с дочерью за границу; благодаря его поддержке в Госиздате вышли книги М. Цветаевой «Версты» и «Царь-Девица»; содействовал вступлению Анастасии Цветаевой в члены Союза писателей⁴². Один из тех, кого своим заступничеством спас П.С. Коган, был религиозный философ С.Н. Дурьлин, которого постановлением коллегии ГПУ предполагалось выслать в Хиву. Благодаря ходатайству П.С. Когана перед секретарем Президиума ВЦИК А.С. Енукидзе Хиву заменили на Челябинск, а затем С.Н. Дурьлин был освобожден из-под ареста на поруки⁴³. В марте 1924 г. на квартире у члена ЦК Каменева Коган поддержал ходатайство М. Волошина о публикации его стихов, имеющих антикоммунистический подтекст⁴⁴.

К попутчикам (И. Бабель, Б. Пильняк, В. Катаев, М. Зощенко, П. Романов), отражающим настроения трудового крестьянства и революционной интеллигенции, отношение эмигрантской критики было благосклонным: поскольку их произведения «не вырабатываются в идеологических лабораториях коммунизма», в их творчестве усматривали «внутреннюю оппозиционность» «коммунистическому мирозерцанию»⁴⁵. В целом творчество попутчиков оценивалось как «талантливое, правдивое, искреннее»⁴⁶. В эпиграммах Лоло Мунштейн критикует отдельные недостатки, в частности язык этих писателей. Стремлением эмигрантов первой волны сохранить в чистоте язык, который они вывезли с родины, объясняется негативное отношение к «языку революционной эпохи». Бунин высмеивал попытки советских писателей писать на языке народа: «Посмотрите на всех этих Есениных, Бабелей, Сейфуллиных, Пиль-

няков: ни одна из этих «рож» словечка в простоте не скажет, а все на самом что ни на есть руссешем языке»⁴⁷. Их творчество Бунин называл «несметными подделками под художество... литературщиной»⁴⁸ и высмеивал языковые реминисценции эмигрантских писателей: «А некоторые умники в Берлине, в Париже, в Праге тают от умиления: Ах, говорят они, какой сочный, ядреный русский язык, какая истинно национальная Русь прет теперь из русского чернозема, и как жадно должны мы ловить свет именно оттуда, и какое обилие там, – только там! – таланта, жизни, молодости!»⁴⁹.

И. Бабеля, несмотря на обвинения в том, что он искажил истинный облик Конармии и даже оклеветал ее, советская критика выделяла среди попутчиков за его крупный художественный талант: «Мы найдем у него не только изображение жестокости, насилий и невежества, но и картины исключительного героизма, революционного пафоса, самоотверженных подвигов, высоко развитого чувства долга и справедливости»⁵⁰.

Мнения литераторов в эмиграции разделились: И. Бунин резко критиковал Бабеля за «грубость выражений», «возмутительный тон» и «гнусность содержания»⁵¹. Д. Святополк-Мирский считал Бабеля мастером новеллы и восхищался метким, сочным и образным языком героев его «Конармии»: «Для Бабеля никакие табу не существуют, и самые грубые слова у него стоят рядом с почти викторианской поэзией»⁵².

Мунштейн несправедлив к Бабелю, отказывая ему в знании русского языка:

Был у него талант... Теперь остались крохи:
От Ленинских доктрин, бедняга, обалдел...
Владеет языком своей шальной эпохи,
Но русским языком, увы, не овладел!

А между тем видный критик эмиграции М. Слоним отводит Бабелю одно из первых мест в русской прозе 20-х годов XX века и высоко оценивает его «искусство необычайно скупого, выразительного слога, в котором проявилось все его мастерство новеллиста», а языком героев Бабеля, «полуграмотным, искаженным и нелепым», «нынче говорит чуть ли не треть России», и этот особый язык служит Бабелю «ироническим описательным приемом»⁵³. «Своим отточенным, скупым слогом он передал «нече-

ловеческое в человеке», и его сборник «Конармия» останется в русской литературе как одно из самых страшных изображений революции»⁵⁴.

Бориса Пильняка, принявшего революцию по-крестьянски, также считали попутчиком. Троцкий обвинял этого «мужиковствующего интеллигента», для которого «творческое и героическое в революции – книга за семью печатями», в «народничестве», бытописательстве в стилистике Чехова и Бунина, идеологической незрелости⁵⁵. Вопреки представлениям, бытовавшим в эмиграции, о том, что «в совершенном коммунистическом государстве в сущности и не может быть подлинно свободного искусства»⁵⁶, Д.П. Святополк-Мирский, назвал книгу Б. Пильняка «Голый Год» (1922) «симфонией, задуманной как панорама России в родовых муках революции и Гражданской войны», высоко оценив ее как исключительно ценный памятник революционной эпохи⁵⁷.

Эпиграмма Мунштейна явно страдает тенденциозностью и выражает предвзятое отношение ее автора к «мужиковствующему интеллигенту» Б. Пильняку.

Л. Мунштейн – Б. Пильняку:

Порой он хочет, сбросив узы,
Вдохнуть всей грудью, закричать, –
С таланта, с бледной, пленной музы
Сорвать советскую печать...
Но замирает вздох... Из глотки
Выходит хрип, под страхом кар
И вновь в советские колодки
Ббивает он свой Божий дар.

Мунштейн не сумел постичь сущность Пильняка – человека, который «лез на рожон», был честен с собой, был тонким мастером слова, а оригинальный сочный язык его произведений свидетельствует о том, что «советская печать» с его отнюдь не бледной, хотя и плененной музы, была сорвана. Б. Пильняк, И. Бабель и др. не вписывались в советское идеологизированное литературное пространство и были уничтожены властью.

Попутчик Пантелеймон Романов умер в 1938 г. своей смертью, избежав тем самым смерти насильственной. В эпиграмме Лоло обыгрывается внимание П. Романова к вопросам любви и

брака в условиях, когда церковь была отделена от государства и обязательность церковного брака отошла в прошлое.

Л. Мунштейн – П. Романову:

Не заметив «произвола»
Злых чубаровских ребят,
Он воспел свободу пола
Чуть не 20 раз подряд.
Но талант его бесплоден:
В музу вбили красный кол...
В Триэссерии свободен
Только – «пол».

И в этой эпиграмме Л. Мунштейн демонстрирует полное нежелание понять позицию писателя, никогда не «воспевавшего свободу пола» и тем более ни в коем случае не оправдывавшего «злых чубаровских ребят», изнасиловавших деревенскую девушку, приехавшую в Ленинград учиться. Почти бесстрастно писатель рассуждает об отсутствии романтизма («без черемухи»), будничности и легкости в отношениях между мужчиной и женщиной в новом обществе, в котором любовь, супружеская верность, семья объявлялись устаревшими буржуазными предрассудками. Брак перестал быть таинством, а пропагандируемая новой властью свобода от обязательств и ответственности в любви была неприемлема писателю. В нашумевшем рассказе «Без черемухи» (1926) он с горечью рассуждает о том, что, может быть, и любовь – пережиток прошлой, буржуазной эпохи.

П. Романов был потрясен предложенной Коллонтай радикальной реформой отношения полов, когда любовь сводилась к удовлетворению половой потребности (теория «стакана воды»). Озабоченность судьбой семьи проявляли и в эмиграции. М. Осоргин с горечью писал: «Брак превратился в процессы об алиментных, крестины – в октябрины, гнет семьи – в гнет ячейки, эмансипация – в распутство»⁵⁸. Мунштейн несправедливо обвиняет писателя в том, в чем он вовсе не был виноват. П. Романов обладал мужеством писать, не подлаживаясь под общий бодряческий тон и не приукрашивая действительность, «писал об обыденном, знакомом всем», отразил в своем творчестве «сложные бытовые и культурные проблемы развороченной революцией жизни»⁵⁹, что снискало ему со стороны советской критики «прочную ре-

путацию выразителя интересов классового врага» и обвинение в «воинствующем мещанстве»⁶⁰.

Сатирические произведения советских писателей – П. Романова, М. Зощенко, В. Катаева – в эмиграции часто представляли читателю как «антисоветские, т.е. направленные против советского строя в целом, а не отдельных недостатков, что приводило к обвинениям писателей-сатириков в очернительстве»⁶¹.

В эмиграции В. Катаева знали по «Растратчикам» – повести, которую высоко оценивали на обоих берегах, несмотря на то что Катаев был «истинно революционным художником и называл себя сыном революции»⁶².

Л. Мунштейн – В. Катаеву:

Талант задорный, яркий, юный
Живописуя тьму, развал,
Лукаво хвалит строй Коммуны,
И Наркомпрос ворчит: «Нахал!»
Не поздоровится от этаких похвал!

Вопреки пророчеству Л. Мунштейна В. Катаев прожил долгую и вполне благополучную жизнь. Начало и конец его творчества были блистательны. Захваченный азартом строительства нового мира, амбициозный автор стремился следовать зову партии и был искренним в восхвалении нового социального строя, отсюда успех его ранних произведений. Несколько поколений воспитывались на его замечательной тетралогии «Волны Черного моря», а поздняя автобиографическая проза – бесспорные шедевры, повлиявшие на развитие литературного процесса в нашей стране.

Сравнивая творчество В. Катаева и М. Зощенко, Г. Адамович отдает предпочтение Зощенко. Читатель в эмиграции был знаком с юмористическими рассказами В. Катаева «Бородатый малютка» (Рига, 1929). По мнению Г. Адамовича, рассказы интересны с бытовой стороны, как своего рода «зеркало советской жизни», однако юмор автора критик считает «вымученным», остроты неудачными, «не вызывающими улыбки». Если Катаев лишь «издевается над своими персонажами», то Зощенко полон «братского сочувствия» даже к самым ничтожным людям. В этом отношении он вполне верен традициям русской литературы сострадать маленькому человеку. Смех Катаева гораздо грубее, поверхностнее – как

грубее и его персонажи. Непосредственным учителем М. Зощенко критик считает Н.В. Гоголя, Катаев же «скорее учился у юмористов прошлого века и отчасти у Аверченко»⁶³.

Л. Мунштейн – М. Зощенко:

У него большой успех
И у нас, и «там», у тех.
Чужд он лести, лживой позы,
У него хороший смех,
Наш известный «смех сквозь слезы».
Это русский колорит:
На Руси уж так ведется,
Что зарезанный острит,
А повешенный смеется.

К перебежчикам-возвращенцам Л. Мунштейн беспощаден, даже если талант ренегатов общепризнан.

Едва ли кто из писателей XX века мог сравниться с А. Белым «по изобразительному дару и стихийной творческой силе»⁶⁴, а «критические его статьи, как и почти все, что он писал, полны всплеск гениальности и удивительных интуитивных прозрений»⁶⁵. Это признавали самые авторитетные критики эмиграции. Однако возвращения в Советскую Россию ему не простили.

Л. Мунштейн – А. Белому:

Слыл он поэтом
Туманно-красным,
Он был эстетом
Неистово-страстным,
Но по мотивам каким-то неясным
Белый – стал красным.

В числе тех, кто вернулся в СССР и чьи литературные таланты в полной мере были использованы в пропагандистской борьбе, был фельетонист, журналист и литературный критик Илья Маркович Василевский (псевд. Не-Буква, 1882–1938). Еще в эмиграции он начал сотрудничать в просоветской газете «Накануне», на страницах которой возмущался тем, что эмигрантские писатели пишут «неправду о Совдепии, преувеличивают её ужасы, выражаются слишком грубо, говоря о большевиках»⁶⁶, за что

был изгнан из берлинского Союза русских писателей и журналистов. В надежде славы и добра переселился в Москву⁶⁷, однако в России не нашел ни славы, ни популярности, напротив, его жена Л. Белозерская, ушла от него к М. Булгакову, с которым прожила в счастливом браке 8 лет, и именно с ее слов М. Булгаков писал «Бег», в котором с такой точностью воссоздал фантазмагорию эмигрантского парижского быта⁶⁸.

Л. Мунштейн – И. Василевскому:

Благословив свою судьбину,
Большевикам он лижет спину.
Ну и пускай! Нам все равно:
Пускай он раб, пусть краснокожий, –
О нем решили мы давно,
Что он не буква, а... бревно, –
Не наступи, прохожий.

И только к А. Толстому эмиграция не изменила отношение, за «исключительный, сочный, целиком русский талант», заполнявший каждое его слово, каждый жест, ему прощали все. Толстого все любили. «Нотр хам де Пари», так его нелюбезно прозвали в эмиграции, был «славный малый», «занятный собеседник, неплохой товарищ»⁶⁹. Так считала не одна только Тэффи.

А. Толстой, сотрудничавший в «Современных записках» и ушедший в «Литературное приложение» при просоветском «Накануне» (как этап перед поездкой в Москву), говорил как-то знакомому литератору в пьяном виде в Берлине: «Не ходи к нам... В «Накануне» сытно, но это свиное корыто...»⁷⁰ Надежда на сытую жизнь на родине оправдалась вполне, но это была одна из причин его возвращения, отнюдь не главная. А. Толстой страдал от отсутствия читателя, русской среды и почвы, которая подпитывала бы его творчество. В минуты откровения он признавался: «Мне без России жить нельзя. Я иссяк. Мне писать не о чем. Мне нужны русские люди и русская земля. Я еще многое могу сделать, а здесь я пропал. Да и возврата мне нет»⁷¹. Ехал «сораспаться с русским народом», понимал, куда едет и ни о какой свободе творчества не мечтал. В России в своих новых романах, чтобы реабилитироваться перед властью, очень нехорошо отзывался о своих бывших друзьях, которым в свое время многим был обязан⁷².

Л. Мунштейн – А. Толстому:

Толстой – не первый, не второй,
А третий, словом, современник,
Печальной новости герой,
Сменивший вехи, жалкий пленник,
Он быстро шествует вперед
И напивается до змья –
И пьесы стал писать такие,
Что даже красных жуть берет.
Из-за чего? О, правый Боже,
Толстого я не узнаю:
Он мог почетней и дороже
Продать фамилию свою!

Толстой, «сменивший вехи», муки совести все-таки испытывал, свое ренегатство пытался заглазить щедростью: помогал многим нуждающимся литераторам, но фамилию свою продал дорого – жил барином, «где иноходью, а где и пешочком поспевал за ураганным ходом советской истории»⁷³, следовал всем искривлениям партийной линии и преуспел в жизни: лауреат трех Сталинских премий первой степени, депутат Верховного совета и член Академии наук СССР.

Анализ эпиграмм Л. Мунштейна позволяет выявить не только оттенки авторского отношения к советским писателям и их творчеству, которые во многом определялись степенью их оппозиционности режиму, но и составить представление о самом авторе и его политических предпочтениях. Эпиграммы всегда субъективны, характеристики объектов эпиграмм заострены, гиперболизированы, однако в случае Л. Мунштейна нелицеприятные характеристики советских писателей, данные им, продиктованы во многом его ностальгией по утраченной родине, духовная связь с которой утрачена не была. Эпиграммы отражают явный антагонизм между духовным пространством России и Зарубежья.

¹ ГАРФ. Ф. 6095. Оп. 1. Д. 124.

² Чагин А. Расколота лира. М., 1998. С. 11.

³ И.С. Шмелев – Ю.А. Кутыриной. Грасс-Париж. 24 авг. 1923 г. – Цит. по: Землякова О.К., Леонидов В.В. «Я решил остаться свободным писателем...»:

о письмах И.С. Шмелева Ю.А. Кутыриной (1923) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. М., 2011. С. 288–289.

⁴ Цетлин М. «Истинно народные поэты» и их комментатор // Современные записки. Париж, 1921. Кн. III. С. 249.

⁵ Николаев Д.Д. Литература как пропаганда // История русской литературы XX века. В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов. М., 2010. С. 579–580.

⁶ Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. М., 2008. С. 512.

⁷ Архангельский В. Коммунистическая критика и советская литература // Воля России. Прага, 1928. № 1. С. 163.

⁸ Кунрин А.И. Мои герои – правда // Русское время (Париж). 1926. 14 июля. – Цит. по: Литературное обозрение. 1998. № 4. С. 66–67.

⁹ Пчелинцева М.А. Оценка советской литературы в творчестве русских писателей-эмигрантов первой волны // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 6. С. 177–179.

¹⁰ Цетлин М. «Истинно народные поэты» и их комментатор. С. 249.

¹¹ Слоним М. Живая литература и мертвые критики // Литература русского зарубежья. Антология. Т. 1. Кн. II. М., 1990. С. 385.

¹² Бем А.Л. Знаменательный поворот // Бем А.Л. Письма о литературе. Прага, 1996. С. 157.

¹³ Мунштейн Л.Г. (1867–1947) – поэт, драматург, переводчик, публицист, театральный деятель. В эмиграции с 1920 г. Сотрудничал в газ. «Руль», «Последние новости», «Возрождение», «Сегодня», журн. «Иллюстрированная Россия». Тяжело переживал разлуку с родиной. Его стихи «Пыль Москвы на ленте старой шляпы / Я как символ свято берегу» стали символом эмигрантской тоски по родине. Автор сб. стихов: *Лоло. Пыль Москвы: Лирика и сатира*. Париж, 1931.

¹⁴ Мунштейн Л. Стихи в альбом. Своим // Иллюстрированная Россия. Париж, 1929. № 19 (208). С. 6.

¹⁵ Мунштейн Л. Советские братья-писатели (словарь в стихах) // Иллюстрированная Россия. Париж, 1929. № 28(217). С. 7.

¹⁶ Солженицын А.И. Иван Шмелев и его «Солнце мертвых» // Венок Шмелеву. М., 2001. С. 46.

¹⁷ Зайцев Б. Бальмонт // Воспоминания о серебряном веке / Сост., авт. предисл. и коммент. Вадим Крейд. М., 1993. С. 69.

¹⁸ Тэффи Н.А. Бальмонт // Воспоминания о серебряном веке. С. 71.

¹⁹ Рындина Л. Ушедшее // Московский Парнас: кружки, салоны, журналы, фиксы Серебряного века (1890–1922) М., 2006. С. 273.

²⁰ Тэффи Н.А. Бальмонт // Воспоминания о серебряном веке. С. 77.

²¹ Степун Ф. Литературные заметки («Тонкий и чуткий г-н Воронский») // Современные записки. Кн. XXVI. Париж, 1926. С. 316.

²² Святополк-Мирский Д.П. Указ. соч. С. 535.

²³ Ефимов Б. Десять десятилетий. М.: Вагриус, 2000. С. 145.

²⁴ Там же. С. 151.

- ²⁵ *Архангельский В.* Указ. соч. С. 164.
- ²⁶ *Горовцев А.М.* Большевикам // ГАРФ. Ф. 6095. Оп. 1. Д. 124. Л. 6.
- ²⁷ *Степун Ф.* Указ. соч. С. 316.
- ²⁸ *Ефимов Б.* Указ. соч. С. 90.
- ²⁹ *Лацис О.* Перелом. Сталин против Ленина // Лацис О. Суровая драма народа. М., 1989. С. 162.
- ³⁰ *Ефимов Б.* Указ. соч. С. 90.
- ³¹ Там же. С. 91.
- ³² Там же. С. 94.
- ³³ *Рябов И.* Щедрость сердца // Талант, отданный газете: К 100-летию со дня рождения Д. Заславского. М., 1980. С. 33.
- ³⁴ *Ваксберг А.* Царица доказательств: Вышинский и его жертвы. М.: Книга и бизнес, 1992. С. 38.
- ³⁵ *Степун Ф.* Указ. соч. С. 319.
- ³⁶ П.С. Коган был профессором МГУ, президентом Государственной академии художественных наук (ГАХН) со дня ее основания (1921–1929).
- ³⁷ В Академии наук заседает князь Дундук. / Говорят, не подобает Дундуку такая честь. / Отчего ж он заседает? / Оттого что ж... есть.
- ³⁸ *Дубовиков А.* Рец.: П.С. Коган. История русской литературы с древнейших времен до наших дней. М.–Л.: Изд. «Молодая гвардия», 1927 // Молодая гвардия. 1928. №4. С. 198.
- ³⁹ Чтобы разнелась / бездарнейшая погань, / Раздувая / темь / пиджачных парусов, / Чтобы / врассыпную / разбежался Коган, / Встреченных / увеча / пиками усов... (В. Маяковский. «Сергею Есенину», 1926).
- ⁴⁰ *Цветаева А.* Воспоминания: В 2 т. Т. 2. М., 2008. С. 590–591.
- ⁴¹ *Цветаева М.* Пленный дух // Цветаева М. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1984. С. 257.
- ⁴² *Цветаева А.* Воспоминания: В 2 т. Т. 2. С. 590–591.
- ⁴³ 140 лет со дня рождения Петра Семеновича Когана. <http://www.lida.info/140-let-so-dnya-rozhdeniya-petra-semenovicha-kogana/>.
- ⁴⁴ *Пинаев С.М.* Максимилиан Волошин, или Себя забывший бог. <http://www.litmir.net/br/?b=156903&p=1>
- ⁴⁵ *Степун Ф.* Советская эмигрантская литература 20-х годов // Степун Ф. Встречи. М.: Аграф, 1998. С. 211.
- ⁴⁶ *Степун Ф.* Литературные заметки. С. 317.
- ⁴⁷ *Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 гг. М., 1998. С. 160.
- ⁴⁸ Там же. С. 244.
- ⁴⁹ Там же. С. 160.
- ⁵⁰ *Коган П.С.* Русская литература XX в. М., 1929. С. 24–25.
- ⁵¹ *Бунин И.А.* Указ. соч. С. 174.
- ⁵² *Святополк-Мирский Д.П.* Указ. соч. С. 561.
- ⁵³ *Слоним М. И.* Бабель // Воля России. Прага, 1928. № 1 (январь). С. 106–115, 117.
- ⁵⁴ Там же. С. 107.
- ⁵⁵ *Троцкий Л.Д.* Литература и революция. М., 1991. С. 69.

- ⁵⁶ История русской литературы XX века. В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов. М., 2010. С. 579.
- ⁵⁷ *Святополк-Мирский Д.П.* Указ. соч. С. 557.
- ⁵⁸ *Осоргин М.* О прочитанном // Дни. 16 ноября 1927 // ГАРФ. Ф. 5907. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.
- ⁵⁹ *Архангельский В.* Указ. соч.
- ⁶⁰ *Никоненко Ст.* Наука зрения Пантелеймона Романова // Романов П. Повести и рассказы. М., 1990. С. 3.
- ⁶¹ *Николаев Д.Д.* Литература как пропаганда. С. 497.
- ⁶² *Быков Д.* Семицветик [вступ. ст.] // Катаев В. Алмазный мой венец. М., 2014. С. 9.
- ⁶³ Иллюстрированная Россия. 1929. № 24 (213). С. 14.
- ⁶⁴ *Святополк-Мирский Д.П.* Указ. соч. С. 547.
- ⁶⁵ Там же. С. 572.
- ⁶⁶ *Бунин И.А.* Указ. соч. С. 101.
- ⁶⁷ *Дон Аминадо.* Поезд на третьем пути. М.: Вагриус, 2000. С. 173.
- ⁶⁸ *Зверев А.* Повседневная жизнь русского литературного Парижа: 1920–1940. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 25.
- ⁶⁹ *Тэффи Н.* Моя летопись. М.: Вагриус, 2004. С. 206.
- ⁷⁰ ГАРФ. Ф. 6089 (Бейер). Оп. 1. Д. 10. Л. 7–9. Письма В. Риделя в белоэмигрантский Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей. Париж, 3 мая 1924 г.
- ⁷¹ *Тэффи Н.* Указ. соч. С. 212.
- ⁷² Там же. С. 213.
- ⁷³ *Толстой А.* Выступление на чрезвычайном VIII съезде Советов 29 ноября 1936 года // Правда. 1936. № 330. 1 дек. http://www.e-reading.mobi/chapter.php/144623/89/Tolstooi_10_Tom_10_Publicistika.html

- Организатор и участник 21 фестиваля русского свободного стиха. Как поэт печатался в «Антологии русского верлибра», альманахах и коллективных сборниках «День поэзии», «Поэзия», «Стрелец», «Своим путем», «Речитатив», «Время «Ч», «Вчера, сегодня, завтра русского верлибра», «Коломенский альманах», «Итоги века», «Легко быть искренним», «Самое выгодное занятие», «По непрочному воздуху», «Перелом ангела», «Акт», «Черновик», журналах «Арион», «Футурум-арт», «Литературное обозрение», «Аутодафе», перевел Т. Элиота, Э. Паунда, других американских и турецких поэтов. Автор семи стихотворных книг.
- Пеппард Виктор** получил степень кандидат наук по славистике в Мичиганском университете (1974). Профессор русского языка и литературы в Университете Южной Флориды с 1975 г. по настоящее время. Заведовал кафедрой иностранных языков с 2000 по 2011 г. Автор монографии о Юрии Олеше, соавтор книги о советском спорте и международной политике, автор статей об Алданове, Бабеле, Войновиче, Гоголе, Достоевском, Н. Мейлере, Н.Н. Никитине, Олеше, Солженицыне.
- Родионова Надежда Александровна** к.и.н., доцент Национального исследовательского университета Высшая школа экономики. Специалист по истории послереволюционной эмиграции, участник международных конференций в России и за рубежом по проблемам Русского Зарубежья, автор статей по проблеме адаптации русских эмигрантов в журн. «Россия и современный мир», «Исторический журнал» и др., а также в сборниках статей по указанной проблематике.
- Ростова Ольга Алексеевна** научный сотрудник Дома-музея Марины Цветаевой. Окончила факультет журналистики МГУ (редакторское отделение), работала в Гостелерадио СССР, с 2005 – в международном научно-консультационном отделе музея. Автор публикаций по истории русской эмиграции, книги «Напишите мне в альбом...», исследований о жизни и творчестве Б.К. Зайцева.
- Сабенникова Ирина Вячеславовна** историк, д.и.н., зав. сектором использования архивных документов ВНИИДАД. Автор двух монографий (Русская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002; Зарубежная архивная Россия: география размещения, выявление. Публикация источников. М., 2014) и более 120 статей в ведущих научных журналах. Сфера интересов – российская постреволюционная эмиграция: география расселения, правовое положение, архивы эмиграции, зарубежная архивная Россия.

- Сёмочкина Екатерина Ивановна** окончила Челябинский государственный университет. Работает в Южно-Уральском государственном университете (Челябинск) на кафедре истории России. Кандидат исторических наук, доцент. Сфера научных интересов: история русской эмиграции, история уральского тыла периода Великой Отечественной войны, краеведение.
- Др. Слебода Томаш (Польша)** окончил Институт охраны культурных памятников Университета Николая Коперника в Торуне. Автор публикаций по польской архитектуре в период 1918–1939 гг. В настоящее время работает в Национальном институте наследия в Варшаве. Член Польского института исследований мирового искусства.
- Тарасова Ирина Анатольевна** доктор филологических наук, профессор кафедры начального языкового и литературного образования Саратовского государственного университета. Сфера научных интересов: поэзия Серебряного века, когнитивная поэтика, авторская лексикография, семантика художественной речи.
- Узелли Гёнюль** д.ф.н., доцент кафедры русского языка и литературы литературного факультета Стамбульского университета.
- Урядова Анна Владимировна** д.и.н., доктор истории Сорбонны, профессор Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.
- Хазан Владимир** проф. Еврейского университета в Иерусалиме. Основные области научных интересов: история русской литературы 20 в., в том числе ее эмигрантской ветви; исторические судьбы русско-еврейской культуры в 20 столетии. Автор более двух десятков книг и нескольких сотен статей.
- Хаимова Виолетта Михайловна** канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания Московского института лингвистики. Область научных интересов: русская поэзия XX в., поэтика лирического произведения, творческая индивидуальность писателя.